

Ю.Ф. Самарин

Два слова о народности в науке

В программе "Русской беседы" сказано, между прочим, "одною из главных целей сего издания будет посылно содействовать к развитию русского воззрения на науки и искусства". Эти слова вызвали со стороны "Московских ведомостей" замечание, "что ведь науки и искусства допускают лишь одно воззрение, просвещенное, следовательно, общечеловеческое". Издатели "Русской беседы" в следующем № "Ведомостей" сказали несколько слов в защиту своей программы; а "Московские ведомости", сдерживая за собою свое мнение, повторили его с некоторыми пояснениями.

Напоминая об этом читателям, мы вовсе не думаем возобновлять полемику с уважаемой нами газетой; не с этою целью беремся мы за перо. Но мы считаем небесполезным сказать несколько слов для уяснения общего вопроса, которого вскользь коснулись "Московские ведомости" и о котором не раз толковали другие наши журналы: вопроса о значении и законном участии народности в развитии науки. Сперва постараемся определить, как можно беспристрастнее и точнее, тот взгляд, из которого вышло сомнение, выраженное "Московскими ведомостями".

Задача науки - в постижении сущности явлений. Чем полнее и чище они отражаются в познающем разуме, чем менее возмущается этот процесс духовного отражения случайным характером познающего лица и посторонними обстоятельствами, тем свободнее и стройнее явления собираются в группы, тем яснее выдается их внутренний смысл из случайной их обстановки, тем безошибочнее определяется закон их последовательного развития. Народность может быть предметом постижения, как объект науки; но народность, как свойство постигающей мысли, ведет к произволу, односторонности и тесноте воззрения. Таким же образом проявляется в ученом труде влияние века на мыслителя и вообще, преобладающее влияние какого бы то ни было условия или начала, которому сознательно или бессознательно подчиняется мысль. Мысль, по существу своему, бесстрастна и бесцветна, и потому ученый, не умевший или не хотевший очистить себя от представлений, понятий и сочувствий прилипающих невольно к каждому человеку от той среды, к которой он принадлежит, не может быть достойным служителем науки. Кто вносит случайное и частное в область мировых идей, тот выносит из нее, вместо общечеловеческих истин или верного отражения предметов в сознании, представления неполные, образы изуродованные и прихотливо расцвеченные.

Совершенно то же говорилось и печаталось у нас еще недавно о искусстве. Поэзия есть воспроизведение идеи или сущности явлений в живом образе. Идея - достояние всего человечества, а форма, хотя и взятая из области случайного, очищается от всего случайного и просветляется насквозь идеею; следовательно, в художественном творчестве участие народности незаконно. Это последнее применение общего понятия об отношении человеческого к народному теперь устарело и откинуто, вместе с бесчисленным множеством всяких предубеждений, вытесненных неразумным сознанием, но, по закону моды, переживших свое время и успевших надоесть публике от частого их повторения; да и ошибочность его слишком явно бросалась в глаза. Самое поверхностное изучение великих памятников искусства, в связи с местом и временем их появления, приучило нас не дичиться народности в сфере искусства; мы поняли, что не создал бы "Божественной комедии" Дант, если б он не был итальянцем и католиком; что Гете был одним из полнейших проявлений германского духа; наконец, со времени появления между нами Гоголя, мы уразумели, что не только неисчерпаемое богатство художественных представлений, которых и половины он не успел нам открыть, почерпнуто им из нашей народности, но что он сам, как художник, своеобразен и велик именно потому, что его воспитала Россия, а не другая народная среда. Было бы позволительно предоставить времени произвести такую же реакцию и против теперешнего гонения на народность в деле науки; но мы мало ценим успех от пресыщения и потому, не избегая и не откладывая спора, приступаем прямо к уяснению возбужденного нами вопроса. Недоразумения лежат на нем, как отвердевшие слои наносных понятий, и мы будем довольны, если нам удастся снять хоть самые тонкие.

Боссюет, католик и француз, один из первых ученых, пытавшихся постигнуть закон всемирной истории, смотрел на Реформацию как на уклонение человеческого разума от нормального пути и объяснял ее вторжением страсти и произвола в область вечной, общечеловеческой истины. Немецкие и английские историки, протестанты по вероисповеданию или по образованию, смотрят на то же явление, как на блистательную победу, одержанную духовной свободой человека над ограниченностью средневекового религиозного сознания. Которое из этих двух воззрений просвещенное и общечеловеческое?

Мы вправе в вопросе о национальности указать на противоположность воззрения католического и протестантского, во-первых, потому, что католицизм есть такое же несомненное проявление в области религии романской стихии, как протестантизм - проявление германской; во-вторых,

потому, что, говоря о русской народности, понимаем ее в неразрывной связи с православною верою, из которой истекает вся система нравственных убеждений, правящих семейною и общественною жизнью русского человека.

Придерживаясь понятия о народности в более тесном материальном смысле, было бы также легко подобрать в первоклассных творениях примеры противоположности полных, выработанных воззрений на историческое значение и характер целых племен, истекающей из народных сочувствий или предубеждений великих писателей, которым, однако же, никто не откажет ни в просвещении, в общечеловеческих заслугах. Еще очевиднее проявляется влияние политической партии или теснейшего круга людей, с которыми автор связан сочувствием, недавно видели тому пример. Маколей, одно из светил современной исторической науки, в "Опыте о войне за наследство Испанского престола" определяет следующим образом существенную разницу между партией ториев и партией вигов. Виги - голова, тории - хвост; где ныне стоят первые, туда через сто лет доползут вторые, из чего следует, что историческое оправдание целой половины британского общества, заявившей себя на всех страницах английской истории, заключается в отрицательном свойстве тупоумия. Весьма вероятно, что историк, равносильный Маколею по дарованию, но воспитанный в сфере других понятий, не изменяя общечеловеческим началам и просвещению, не затруднился бы ответом на этот приговор.

Не только в области истории, но и в других науках, занимающихся человеком, а не природою, например, в науке права, в философии, в политической экономии встречаются на каждом шагу столь же резкие противоположности, которых корень - в различии точек зрения на один и тот же предмет, основных убеждений и природных сочувствий, на которых, как на данном материке, воздвигается веками народное и личное просвещение. Как не потеряться в них, как сохранить свободу мысли? Как избегнуть невольной односторонности? - "Очень легко; держитесь крепко просвещенного и общечеловеческого, не подчиняйтесь ничему народному", - так теперь говорят у нас. Сто лет тому назад во Франции говорили: *Suivez la divine raison, elle vous sauvera de l'erreur*; но много ли уцелело из того, что было отмечено клеймом *de la divine raison*? Увы! Еще не родился тот гений, который бы размежевал всю область человеческого ведения на две полосы и поставил между ними столбы с надписями: образованное и человеческое - ложное и народное.

Когда, по закону исторического преемства, народ вызывается во главу человечества и к нему переходит умственное достояние всех племен, отслуживших до него свою службу, сделанные им открытия в области механики, естественных наук и введенные им усовершенствования в материальном быту перенимаются просто и бесспорно. Но не так легко обходится дело при усвоении лучшей доли умственного наследства: замкнувшаяся система просвещения принимается под условием строгой проверки самых основных ее положений; то, что казалось навсегда поконченным, подвергается пересмотру и часто делается снова вопросом, разрешением которого поглощается много и много свежих сил. Фактическое постоянное участие народности в образовании самостоятельных воззрений на предмет науки, кажется, не подлежит спору; но этим еще не оправдывается направление, называющее себя народным. Нам могут возразить: "Примерами, вами же приведенными, подтверждается, что народность и односторонность в деле науки - одно и то же; это - неровное зеркало, в котором искривляется отражаемый предмет; в применении к живому организму, недуг, болезнь ума; а вы, вместо того, чтобы приискивать против нее лекарств, даете обещание стараться всеми силами, чтоб она плодилась!"

Допустив основательность возражений и обратив его положительную стороною, мы получим, в применении к приведенным нами примерам, следующее требование: историк не должен быть ни католик, ни протестант, ни француз, ни немец; он не должен принадлежать ни к какой политической партии, ни к какой философской системе; он должен быть просто историк. Пусть так! Но возможно ли это, и не предъявляем ли мы такого условия, при котором сама наука существовать не может?

Определяя ее задачу как постижение сущности предметов, как возведение в понятие дробных явлений, не выражаем ли мы требования отделить существенное от случайного, законное от незаконного? Вникая в логическую связь целого ряда однородных явлений, не исходим ли мы из того основного убеждения, что все живое развивается, а понятие развития не заключает ли в себе понятия внутренней цели, идеала, стремящегося к полному своему проявлению? Закон человеческих стремлений какой бы то ни было области, верховный закон, которому все они подчиняются, задача человеческого развития, цель человеческого бытия - все эти понятия могут ли быть усвоены иначе, как в форме положительного учения, определяющего точку зрения мыслителя? Без них невозможна даже история, в которой, по-видимому, все дается объектом, а от мысли требуется только мудрое воздержание; но и сама история, как простое записывание случившегося,

уподобилась бы ряду метеорологических наблюдений над погодой и потеряла бы достоинство науки.

Конечно, потребность возведения всех понятий, ежечасно нами употребляемых, к стройному единству, потребность разумного их усвоения, сродная человечеству и каждому народу в лице двигателей его просвещения, может не встречаться не только в массах, хранящих в себе народность как духовную стихию, но даже в так называемой образованной публике. Каждое общество имеет свой собственный капитал, с которого большинство получает проценты и пробавляется ими, не спрашивая, велик ли он, в чем состоит и как образовался. От поверхностно, но многосторонне образованных людей, которые так недоверчиво смотрят на общие начала, определяющие характер нашего воззрения на все окружающее, мы слышим беспрестанно суждения и отзывы, ясно указывающие на присутствие в них основного слоя отверделых понятий и представлений, о котором они сами не ведают, но внимательная мысль, не совсем чуждая философских приемов, легко открывает этот неприкосновенный умственный капитал, лежащий в их голове, как лежат в сундуках, под надежными замками, акции торговых компаний. Попробуйте взять под руку этих людей, всегда готовых ополчиться на всякое определенное, по их же понятиям, ограниченное воззрение, и довести их по ступенькам от применения к основным посылкам, от частного к общему: и они придут в изумление, открыв в себе свод понятий, систему, определенные предпочтения, к которым они приобщились умственно, сами того не замечая. На поверку выйдет, что мнимое беспристрастие, общечеловечность и отрицательная свобода их воззрений в сущности есть бессознательность. Правда, между разумным приобщением своей мысли к определенной системе понятий и бессмыслием существует середина. Можно избежать той и другой необходимости, приняв за правило все новейшее провозглашать совершенным; но что значило бы в области науки подчиниться тому закону, который полновластно господствует в области моды?

Мы, по-видимому, уклонились от предмета, но только по-видимому. Мы сказали, что всякое воззрение предполагает точку зрения, всякий акт мышления - исходное начало. Если от избранной или данной точки зрения зависит характер воззрения и самый вывод, то, бесспорно, мы должны признать в ней как возможность ошибки, так и необходимое условие всех открытий и успехов в области знания.

Искренний католик, по резко определенной ограниченности своего взгляда, лишается способности высказать полную правду о борьбе Римской церкви с Реформацией; зато он постигнет и внесет в науку не только все

великое и общечеловеческое, созданное католицизмом, но и самые глубокие, психологические условия, вызвавшие явления западного католицизма. Ревностный протестант не оценит мирового значения Римской церкви; но зато ему, как протестанту, удастся объяснить всем двигательную силу, смысл и дух Реформации. Если бы Маколей не сдружился всем существом своим с вигизмом, кто знает, увидели ли бы мы живой, изящный образ Галифакса? Немецкий историк, может быть, превратно представит в своем рассказе характер борьбы германских государств с славянскими племенами; он не уразумеет вполне восстания гуситов и увидит в них не более, как грубых предвестников Лютера и Кальвина; он проглядит заслугу, оказанную Западной Европе Польшею, сдержавшею в продолжение целого века напор турецкого завоевания, и заслугу России, изжившей на себе давление монголо-татарского племени, победившей его и через это укрепившей за собою право мирного на него воздействия; зато он яснее других почувствует и живее передаст мировое значение германского племени в судьбах человечества: ни одно проявление германского духа не ускользнет от его сочувствия и, через его народное воззрение на историю, хотя бы и не чуждое односторонности, войдет в общее достояние науки и сделается доступным для общечеловеческого разумения участие в истории одного из великих народных деятелей.

Мысль познающая, как орган науки, достигает до полного своего развития и могущества только при условии совокупного и сосредоточенного участия в процессе постижения всех сил и способностей духа; воля придает мысли постоянство напряжения, побуждая и сдерживая ее; теплое сочувствие согревает мысль и вооружает ее безошибочностью духовного инстинкта, угадывающего в исторических явлениях едва проявленные движения человеческой души. Мы говорим здесь не о той, если можно так выразиться, отвлеченной любви к предмету, без которой никакой истинно ученый труд невозможен, которая рождается от самого труда, возрастает по мере встречаемых препятствий, но которая вовсе не зависит от прямого отношения познающего лица к объекту; так, например, специалист пристращается к букашкам или к одному виду растений. Не об этой любви к предмету идет речь. Между мыслью, воспитанною в среде народности, и рядом исторических проявлений той же народности на всемирном поприще существует более прямое и близкое сродство, вследствие которого мысль преимущественно становится способною овладеть для науки именно теми явлениями, в которых она сама с собою встречается и узнает себя. Можно ли отрицать, что русскому, потому что он русский, и в той мере, в какой он русский, дух нашей истории, мотивы нашей поэзии, весь ход и все

настроение народной жизни откроется яснее и полнее чем французу, хотя бы последний овладел вполне русским языком и такой массой материалов, какой никогда не располагал ни один русский ученый?

Повторяем опять: все это применяется не только к истории в тесном смысле, но и к другим наукам. В развитии политико-экономических теорий учение физиократов, раскрывших участие производительных сил земли в образовании народного богатства, должно было возникнуть во Франции, а меркантильная школа - в Англии. Даже в той науке, которой предмет, по видимому, отрешен от всякой связи с народностью, в исследовании законов отвлеченного мышления, французы, по особенному складу своего ума, были, по преимуществу, призваны раскрыть процесс постижения путем опыта, исчерпать процесс образования понятий из ощущений, передаваемых путем внешних чувств; а Гегель имел полное право сказать, что всю свою философию он извлек из немецкого языка, иными словами: он высвободил, уяснил и облек в наукообразную форму те понятия, которые лежали, как элементы, в народном сознании; ибо язык есть творение целого народа и, может быть, самое светлое отражение его духовной природы.

Мы приходим к убеждению, что именно народность мысли, определяя как бы специальное ее назначение в области науки, наводит ее на пути к открытиям, постепенно раздвигающим пределы общечеловеческого знания. Это, кажется, бесспорно, но еще не все. Заключая в себе возможность односторонности воззрения или пристрастия, народность познающей мысли в то же время представляет нам ручательство за постепенное освобождение от пределов, ею же полагаемых.

Если католик внес в область науки свое ограниченное воззрение на Римскую церковь, если лютеранин так же односторонне определил значение Реформации, если ни от того, ни от другого мы не можем ожидать последнего слова, определения взаимного отношения двух вероисповеданий, то почему не допустить, что произнести это слово призван тот, кто не участвовал в борьбе, не заразился возбужденными ею страстями и, по возвышенности своей точки зрения, стоит над сторонами, ведущими между собою спор? Если таково призвание православного мыслителя, то не ясно ли, что оно выпадает ему не ради превосходной силы его ума, а единственно потому, что мысль его воспитается в другой духовной среде и что примирение противоположностей будет ему доступно не только как требование религиозного сознания, но как осуществленный факт в полноте духовной жизни Православной церкви. Обнаружение односторонности выработанных воззрений и примирение их путем возведения

противоположностей в высший строй явлений, может быть, предстоит нам и в других областях знания.

Может быть, вопросы об отношении личной свободы общественному предустановленному порядку, о согласии выгод сосредоточенности поземельного владения (*grande propriete*) и раздробления земли на мелкие участки (*la petite propriete*) и многие другие найдут свое разрешение именно у нас, вследствие того, что наука найдет их в жизни и взглянет на самые вопросы с новой точки зрения, на которую поставит ее народная жизнь. Может быть также, что это мечта; но возможность подобного участия в решении поставленных вопросов оправдывается прошедшими веками. В ответ на мировой запрос история не приносит логической формулы, а выводит на сцену нового деятеля, живой быт свежего народа и, много спустя, мысль, воспитанная в сочувствии с ним, возводит его на степень понятия и переносит из действительности в область науки как понятие, как закон.

Итак, призвание народности в деле науки представляется в двояком виде. С одной стороны, сродство мысли, познающей с мыслью, проявившей себя исторически, заключает в себе одно из существенных условий постижения внутреннего смысла и побудительных причин, вызвавших эти проявления; с другой, непричастность народного воззрения к предубеждениям и односторонностям, налагающим свое клеймо на воззрение других народов, дает возможность общечеловеческому воззрению постепенно расширяться и освобождать себя от тесных рамок, временно его ограничивающих. К сожалению, эти понятия, столь простые и, кажется, ни для кого не обидные, сделавшись предметом литературных толков, породили вокруг себя множество совершенно произвольных представлений. Потребность народного воззрения многие принимают за желание во что бы то ни стало отличиться от других, как будто бы в этом отличии заключалась цель направления. Им кажется, что ученый, сядя за свой рабочий стол, задает себе задачу выдумать, изобрести русское народное воззрение, например, хоть на феодализм. Нельзя же ему повторять, что сказали 1кзо или Гриммы: то были немцы! И созданный воображением труженик, несчастная жертва воображаемых дурных советов, грызет перо, потирает себе лоб и губит время в бесплодной гонке за оригинальностью. Но вольно же в такой форме представлять себе участие народности в развитии науки! Неразумное, безотчетное и преднамеренное отрицание чужого потому только, что оно чужое, при недостатке своего, при внутренней пустоте, не поведет к расширению области знания; этого никогда и никто не утверждал. Напротив, при обилии понятий, почерпнутых из народной жизни, при богатстве внутреннего содержания, никогда пользование чужими трудами не

поработит мысли. Здоровое понятие о народности ограничивается, с одной стороны, боязнью исключительности, с другой - боязнью слепого подражания. Эта последняя боязнь, имевшая бесспорное основание в первоначальных приемах науки, пересаженной в Россию из Западной Европы, теперь начинает исчезать. Мы слышим беспрестанно: слепое подражание не годится, и мы готовы сочувствовать всякому противодействию его крайностям; но все ли, повторяющие эти слова, ясно сознают, что такое золотая середина, что - крайности, и при каких условиях, какими средствами можно от них уберечься? Вооружившись скребками и ножницами, подсабливая и обрезающая то, что покажется нам крайностью в чужом воззрении, мы не спасем своей умственной самостоятельности; перепечатывая чужое творение с заменой превосходной степени положительною там, где почудится нам признак излишнего увлечения, мы только обесцветим чужую мысль или откинем выводы, признавая основные послышки. Всех этих механических приемов чуждается живой процесс усвоения народным сознанием чужой образованности. Если нужно, для уяснения его, прибегать к сравнению, мы указали бы на разнообразные проявления закона химического сродства. Когда, при известных условиях, какой бы то ни было элемент приводится в соприкосновение с сложным телом, он осаживает некоторые из составных начал его, а другие привлекает к себе в силу какого-то внутреннего сочувствия и, сочетавшись с ними, преобразуется в новое вещество. Но такое усвоение чужого в химическом процессе, так же, как и в умственном заимствовании, требует не пустого вместилища, а совершенно самостоятельной, качественно определенной стихии. Чем больше в ней силы и чем она цельнее, тем неотразимее она притягивает к себе и отталкивает от себя. Итак, этот выбор, это заимствование, под условием устранения крайностей, это предварительное испытание чужого, к которому нас приглашают, требует прежде всего надежного закала испытующей мысли в живой струе народной жизни. Народность есть больше, чем объект для мысли; сама мысль должна получить от нее свое образование: ибо, как в истории общечеловеческие начала проявляются не иначе, как в народной среде, так и в области науки мысль возводит эти начала в сознание через ту же народную среду.

Таковы понятия наши о значении народности в науке и об отношении народного к общечеловеческому. Если нам скажут, что эти понятия уже приняты всеми бесспорно, то нам останется только радоваться, удостоверясь, что цель "Русской беседы" совпадает так верно с господствующим направлением общественной мысли. Это убеждение вознаградило бы нас вполне за отсутствие оригинальности, которая бы отделила резкою чертою

наше литературное предприятие от других современных изданий. Мы не гоняемся за оригинальностью. Если все заодно с нами, тем лучше для нас. Область русской народности так обширна и богата, что излишества рук нет повода опасаться и, сколько бы ни явилось делателей, каждый, не стесняясь других, найдет себе посильный урок.